

Глава 11.

**Община без круговой поруки:
сила закона и сила традиции**

Податные присутствия – крайне важный механизм: он действует в самых передовых налогах, он внедряется всё шире и шире. Но все эти новые, прогрессивные в обоих смыслах слова, налоги касаются прежде всего городов. А три четверти населения – крестьяне. Именно от того, как на самом деле действовали крестьянские налоги, во многом зависело существование всей податной системы страны.

У крестьян по давней традиции раскладкой налогов занималась община, и это не ново. Новшество начала XX в. – отмена круговой поруки. Теоретически это выглядит довольно просто, речь об этом уже шла выше. Практическое значение круговой поруки в жизни пореформенной России – тема гораздо более сложная.

Податной ревизор Д.Л. Киреевский в отчёте о ревизии 1905 г. сообщал, что «круговая порука фактически нигде и никогда в Тобольской губернии не практиковалась»²⁶². Есть подобные сведения и по Европейской России. М.А. Давыдов в одной из своих книг в главе, посвящённой критике общины второй половины XIX в., цитирует одного из податных инспекторов Воронежской губ., жалующегося на практическую недействительность круговой поруки²⁶³.

Это, конечно, не значит, что законодательство насчёт общины вовсе игнорировалось. Просто сама по себе круговая порука действует не так прямолинейно-благостно, как можно судить по её краткому описанию в учебнике (если один не может заплатить, недоимку покрывают все вместе). Ясно, что если неуплата налога одним влечёт уплату этой суммы другими, и этим дело ограничивается, то налогов платить никто не станет. Ясно, что круговая порука подразумевает не афишируемый, но жёсткий механизм наказания за неуплату – наказания со стороны самого сельского общества. Как мягко высказывается на эту тему О.И. Марискин, «именно в системе принудительных мер заключалась главная сущность

²⁶² РГИА. Ф. 573. Оп. 20. Д. 617. Л. 15–15 об. В 1902 г., ревизуя Томскую губернию, тот же Киреевский описывал усилия местных чиновников по разделению богатых и бедных крестьян (чтобы взыскивать недоимки только с первых) и упоминал, что крестьянские общества не отвечали за недоимки «с лиц отлучившихся с места приписки» – что, конечно, противоречит азам круговой поруки. См.: РГИА. Ф. 573. Оп. 20. Д. 263. Л. 350–351. Не использовалась круговая порука и в русских селениях Степного края. См.: Сибирские переселения. Вып. 3. Освоение Верхнего Прииртышья во второй половине XVI – начале XX вв.: Сб. док. Новосибирск: Параллель, 2010. С. 205.

²⁶³ Давыдов М.В. Двадцать лет до Великой войны. Российская модернизация Витте-Столыпина. 2-е изд-е, испр. и доп. СПб: Алетейя, 2016. С. 214–215.

круговой поруки»¹. Система наказаний, прописанная в законе, вынуждала к широкому использованию неформальных отношений, позволяющих избежать самых тяжёлых последствий (будь то займы у богатых под отработку или другие меры).

Поэтому говоря об отмене круговой поруки, не следует ожидать немедленного переворота в крестьянской податной повседневности. И тем не менее, установление единоличной ответственности – одна из ключевых налоговых реформ капиталистической России, поскольку оно создало механизм индивидуальной работы с крестьянами – самой многочисленной группой населения.

Инструкция, которая казалась важнее закона

Принятый ещё при С.Ю. Витте закон 12 марта 1903 г. об отмене круговой поруки коснулся только Европейской России, в Сибири такая же реформа состоялась немного позже.

Отмена круговой поруки в Сибири произошла как бы между прочим – то была одна из ряда царских милостей, явленных указом «Об отмене некоторых ограничений в правах сельских обывателей и других лиц податных состояний» от 5 октября 1906 г. Смысл этого документа – политический. Начинаясь торжественным напоминанием про 19 февраля 1861 г. и про 17 октября 1905 г., манифест провозглашал задачу «завершить мудрые предначертания Царя-Освободителя на возвещённых Нами началах гражданской свободы и равенства перед законом всех российских подданных»². подданных»².

Применительно к отмене круговой поруки в Сибири это стремление хорошо сочеталось с практическими надобностями, вытекающими из роста сибирского переселения. Переводить прибывающих в Сибирь переселенцев обратно во власть круговой поруки высшие власти сочли неправильным, а иметь дело со смешанным (в смысле единоличной или общинной ответственности) составом плательщиков – неудобным³. Как следствие, отмена круговой поруки в Сибири отстала от центра страны лишь на три года, что мало по сравнению с реформами 2-й половины XIX в.

Принятие на самом верху решения прошло быстро и безболезненно. Но его воплощение вызвало неожиданные трудности, решать которые сибирским властям пришлось самостоятельно. В том, как решались эти трудности, и как они решились, проявляется роль крестьянского общества начала XX века как

¹ Марискин О.И. Государево тягло. Налогообложение крестьянства России во второй половине XIX – первой трети XX века (по материалам Среднего Поволжья). Саранск: изд-во Мордов. ун-та, 2004. С. 120.

² ПСЗ-3. Т. XXVI. Отделение 1-е. СПб, 1909. № 28392, с. 891

³ Подробнее см.: Кириллов А.К. Система денежного налогообложения сибирских крестьян в конце XIX – начале XX века. // Налоги и заготовки в сибирской деревне (1890-е – 1920-е гг.). Новосибирск: изд-во НГУ, 2004. С. 1–47.

самостоятельной силы, действующей лояльно по отношению к государственным интересам.

Говоря о развитии общероссийского законодательства, мы уже видели, сколь большое значение при отмене круговой поруки придавалось закону 23 июня 1899 г. о порядке взимания крестьянских налогов. Установив требование «одинаковых условий обложения» для всех членов общества, реформаторы уже не опасались, что общества станут раскладывать налог на бедняков, бобылей и «безвестно отсутствующих». Связь между отменой круговой поруки и новыми правилами взимания окладных сборов подчёркивалась даже в названии закона 12 марта 1903 г.: «Об отмене круговой поруки крестьян по уплате окладных сборов в местностях, в коих введено в действие Положение 23 июня 1899 года о порядке взимания сих сборов с наделных земель сельских обществ»¹.

Но на Сибирь Положение от 23 июня не распространялось. После 1899 г. на восток от Урала система раскладки крестьянских налогов действовала в прежнем, дореформенном, виде.

Даже в эпоху круговой поруки это вызывало возражения сибирских налоговиков. Податные инспектора обсуждали эту проблему на своих съездах, управляющие казёнными палатами направляли запросы в Департамент окладных сборов, губернаторы жаловались в МВД и даже (посредством «всеподданнейших отчётов») государю императору². Забегая вперёд, надо сказать, что столичные чиновники в общем виде соглашались с сибиряками. Они признавали, что «полное упорядочение постановки податного дела в Сибири может быть достигнуто лишь при условии введения в этих местностях того порядка взимания окладных сборов, который применяется в Европейской России на основании высочайше утверждённого Положения 23 июня 1899 года и закона 12 марта 1903 года»³. Но делать это до завершения поземельно-устроительных работ отказывались, «так как только с приведением в известность количества земельных угодий <...> будет твёрдая база как для исчисления общих контингентов оброчной подати для отдельных губерний, так и для распределения этих контингентов между отдельными уездами, а в пределах последних между отдельными сельскими обществами и селениями»⁴.

Год за годом проходили без круговой поруки в Европейской, а затем и в Азиатской России, но даже в 1913 г. Сибирь ещё оставалась вне действия Положения 23 июня 1899 г.

¹ ПСЗ-3. Том XXIII. Отделение 1-е. СПб, 1905. № 22629. С. 134.

² См.: Журнал заседаний съезда податных инспекторов и их помощников Тобольской губернии в августе м[есяце] 1905 года. Тобольск, 1906. С. 98; ГАТ. Ф. 152. Оп. 40. Д. 140. Л. 99–99 об., 136–136 об.

³ ГАТ. Ф. 152. Оп. 40. Д. 140. Л. 99–99 об.

⁴ Там же. Л. 136–136 об.

«Понижение недоимочности»: первый год без круговой поруки

История настойчивых, но бесплодных препирательств между столицей и сибиряками по поводу положения 23 июня 1899 г. не выглядит вполне прозрачной; не исключено, что обе стороны «держали в уме» дополнительные соображения, официально не излагаемые. Как бы то ни было, отмена в Сибири круговой поруки произошла в то время, когда сибирская податная инспекция была уверена в недостаточности механизма раскладки для обеспечения интересов казны. Руководство Томской казённой палаты забило тревогу и добилось принятия особых мер для борьбы с возможными недоимками.

Как воплощались эти меры на деле, видно из отчётов податных инспекторов по итогам 1907 г. Все инспектора отмечали на редкость успешное взыскание податей – и основного оклада, и недоимок прошлых лет, – связывая это с применением насильственных мер.

«Усиленное взыскание с содействием военной силы недоимки за прежние годы в начале минувшего [1907] года оказало на экономическую жизнь населения и на поступление податей заметное влияние» – так писал кузнецкий инспектор. В Кузнецком уезде в течение одного лишь января 1907 г. собрали сумму, почти равную годовому окладу, «почему в первой половине года текущий оклад поступал плохо, но по мере выяснения результатов урожая 1907 года платеж податей стал производиться крестьянами охотнее, тем более что указанный выше способ взыскания податей (с помощью военной силы) оставил в крестьянах, по-видимому, глубокое впечатление; опасаясь повторения этого в будущем вообще, они почему-то создали себе убеждение, что на следующий раз с них взыщут и все расходы по командировке военной силы»¹.

Похожим образом высказывался инспектор 1-го участка Барнаульского уезда. «Главнейшим фактором понижения недоимочности я считаю усиленную энергию, проявленную полицией в деле взыскания в первой половине отчетного года. Во главе с исправником была наряжена своего рода карательная экспедиция из станowych приставов и стражников, которые, переезжая из селения в селение, производили взыскания, причем население беспрекословно уплачивало следуемые с него деньги»².

Ещё одну разновидность использования силы упоминает мариинский податной инспектор: «На благоприятное поступление податей имело несомненное влияние постановление съезда крестьянских начальников с ходатайством о присылке воинской силы в Тундинскую волость, каковое постановление быстро сделалось известным населению, этим и объясняется

¹ ГАТО. Ф.Ф-196. Оп. 4. Д. 183. Л. 156–156 об.

² Там же. Л. 169 об.

тот факт, что в декабре минувшего года поступление податей более, чем за всю первую половину года»¹.

Ещё более простыми мерами добилась своего администрация (крестьянские начальники, полиция, сельское самоуправление) Бийского уезда. Было составлено «весьма значительное» число описей имущества недоимщиков, которые после этого в подавляющем большинстве недоимку внесли². Выставление на продажу имущества недоимщика – мера стандартная, законом предусмотренная; в то же время массовое её использование инспектор расценил как деятельность более энергичную, чем обычно, и вызванную распоряжениями губернатора.

Таким образом, инспектора говорят о разных методах усиленного взыскания (где полиция, где армия, где опись имущества), и в разные месяцы – от конца 1906 года до конца 1907-го. Но все описывают первый год без круговой поруки как год чрезвычайного нажима на западносибирскую деревню.

Чего боялись чиновники...

Иначе обстоит дело в изображении руководства Томской казённой палаты, представившего Департаменту окладных сборов сводный отчёт по губернии. До нас дошёл машинописный проект этого отчёта, подписанный начальником 2-го (податного) отделения А. Горт-де-Гротом и правленный от руки начальником казённой палаты И.Б. Маршангом. Палата сообщила, что собрано 4/5 годового оклада 1907 года плюс 3/4 оставшейся недоимки (а всего – 126,9 % годового оклада). «Ближайшею причиною» такого успешного сбора налогов палата называла благоприятные экономические условия, подробно расписанные на четырёх страницах: хороший урожай в сочетании с ростом запашки и ростом заготовок сена (вследствие возвращения ратников Русско-японской войны). О хорошем урожае отчитывались и инспектора – впрочем, не противопоставляя при этом последний год предыдущему, и главное – не выдвигая урожай в качестве единственного объяснения хорошего сбора налогов.

Руководство палаты уверяло, что «население платило подати, нисколько не обременяя своего хозяйства, и по своему экономическому состоянию могло бы выплатить большую сумму». По мысли чиновников, этого не произошло из-за трудностей, вызванных отменой круговой поруки. «При действии круговой поруки широкая самостоятельность общества в раскладке податей имела основание <...> С 1 января 1907 г. при ответственности каждого плательщика только за себя положение изменилось: от обложения податями лиц, взыскание с которых по тем или иным причинам не может быть произведено, общество выигрывает, а казна, напротив, несет прямой ущерб».

¹ Там же. Л. 173 об.

² Там же. Л. 162. Ниже уточняется, что было составлено 128 описей по 114 селениям, описано 8056 имуществ.

«Крестьянское население при слабом развитии гражданственности, привыкшее к тому, что подати с него взыскиваются с угрозами и карами, в редких случаях вносит их добровольно, принимая все меры к тому, чтобы переложить, уменьшить или совершенно устранить от себя податное бремя. С этой целью общества нередко облагают податями больных, старых, неимущих, безвестно отлучных, причем на лиц последней категории оклад налагается без всякого соотношения к их имущественному положению, лишь бы была достигнута цель общества – уменьшение тяжести обложения платежеспособных и наличных членов. Результаты такого отношения уже успели сказаться с конца 1907 г.: в Палату последовал ряд ходатайств о сложении недоимок за невозможностью произвести взыскание»¹. Словом, томичи не упустили возможности напомнить о насущности введения в Сибири положения 23 июня 1899 г.

Только после этого длинного предисловия автор отчёта начал описывать меры принуждения, принятые в отчётном году. 10 марта 1907 г. управляющий палатой предложил податным инспекторам «приложить все старание к тщательному просмотру раскладочных приговоров со стороны равномерности раскладки и целесообразности принятых за основание признаков» (о нарушениях – сообщать в уездный съезд крестьянских начальников и в казённую палату).

Кроме того, сотрудники палаты бдительно следили за «соответствием между платежными средствами населения и поступившими платежами». В случаях несоответствия от инспекторов требовали объяснений. Те обычно пеняли на сельских и волостных старост, которые «крайне редко и нерешительно пользуются предоставленными им мерами понуждения», вследствие чего среди недоимщиков числятся «вполне состоятельные и зажиточные лица».

Побывав «на местах», управляющий убедился в правоте инспекторов, и официально заявил Томскому губернатору, что «только отсутствием должного интереса и энергии у волостной и сельской администрации и крестьянских начальников можно объяснить неодинаковую недоимочность волостей, <...> в экономическом отношении находящихся в совершенно одинаковых условиях»².

Помимо общих заявлений, казённая палата теребила губернатора указаниями на отдельные недоимочные общества и отдельных недостаточно требовательных чиновников. Недовольство финансистов вызывали и крестьянские чиновники, допускающие появление недоимки, и полиция, недостаточно требовательно эту недоимку взыскивающая. Менторски-назидательно палата «просила» губернатора «напомнить подведомственным чинам, что борьба с проявлениями упорства в неплатеже податей не терпит попустительства», что «своевременное взыскание податей не только

¹ ГАТО. Ф.Ф-196. Оп. 4. Д. 183. Л. 177–178.

² ГАТО. Ф.Ф-196. Оп. 4. Д. 183. Л. 178–179.

предупреждает накопление недоимок <...> но, помимо сего, имеет дисциплинарное для крестьян значение, напоминая последним о строгости закона и необходимости добровольно и неукоснительно нести законные повинности»¹.

В качестве самого значительного ответного действия губернатора документ казённой палаты упоминает циркуляр от 5 мая 1907 г. Крестьянским начальникам этот циркуляр предписывал «лично разъяснить сходам тех селений, которые откажутся от раскладки, что такой отказ является преступным неисполнением закона, что и без раскладочного приговора подати будут взысканы», а исправникам – составить описи имущества «жителей тех селений, которые до 1 июля не только не уплатят оклада 1[-й] половины [года], но и не составят приговоров»².

Упомянутый здесь «отказ от раскладки» перекликается с упоминанием бийского инспектора об «отказе сделать развёрстку переселенческого оклада и недоимки по Михайловской волости», вследствие чего инспектору пришлось лично «делать разъяснения» волостному правлению и сельским обществам, а также командировать своего помощника для «непосредственного разъяснения на сельском сходе и склонения к разверстке крестьян дер. Березовки Михайловской волости»³. Ясно, впрочем, что речь идёт о простом непонимании нового закона, которое не имеет отношения к его изъясам и не выходит за рамки курьёза⁴.

Более важен другой вывод из приведённых цитат. Непосредственно из описания борьбы казённой палаты за улучшение сборов становится ясно, что именно финансовое ведомство стало инициатором усиленных мер взыскания. Упомянутые податными инспекторами грозные циркуляры губернатора явились ответом на настойчивость казённой палаты.

...И почему они пытались скрыть свои подвиги

В целом проект отчёта казённой палаты создаёт впечатление, что его автор стремится принизить значение принудительных мер. Казалось бы, это не вполне логично, коль скоро именно по настоянию палаты они приняты и дали, вроде бы, положительный эффект. Объяснить это противоречие можно тем, что чрезвычайные репрессии не соответствовали ординарному уровню проблемы.

То, что репрессии были чрезвычайными даже на уровне циркуляров, видно всё из того же черновика казённой палаты. Весь кусок текста (более

¹ Там же. Л. 179 – 179 об.

² Там же. Л. 179 об. – 180.

³ Там же. Л. 162 об. – 163.

⁴ Возможно, кое-где сказывались исключительные местные обстоятельства. Тот же бийский инспектор, говоря о борьбе с отказами от раскладок, упоминает доставление им в казённую палату сведений «по исправлению счета лиц и окладов в списках переселенцев». Не исключено, что речь идёт о требовании крестьян исправить какие-то ошибки.

страницы), связанный с описанием губернаторского циркуляра от 5 мая 1907 г. и его последствий (успешное взыскание податей и недоимок), в документе зачёркнут; на поле И.Б. Маршанг пометил: «Едва ли законно!». А ведь мы уже знаем, что чиновники нижнего уровня (крестьянские начальники) действовали ещё более решительно.

Один из податных инспекторов (2-го участка Томского уезда) даже упоминал военное взыскание в конце 1906 года как причину снижения платёжеспособности. Главной причиной успешного поступления окладных сборов в 1907 году, – писал он, – следует считать хороший урожай, «значительно подкрепивший платёжные силы населения, несколько подорванные усиленными взысканиями недоборов в конце 1906 года с продажей имущества неисправных плательщиков»¹.

Чрезвычайное взыскание могло бы ещё быть оправданным, если бы крестьяне действительно сплошь и рядом стали перекладывать налоги на неспособных плательщиков. Но этого не произошло. Обнаружив, что напрасно перебаламутили всю губернию, чиновники казённой палаты попытались затушевать произведённый эффект.

Вместе с тем, можно, по-видимому, говорить о том, что проблема взыскания налогов действительно существовала. Мы уже встречали в черновике казённой палаты упоминание ходатайств о сложении недоимки 1907 года за невозможностью взыскания. В тон палате высказывается и податный инспектор 2-го томского уездного участка: отмена круговой поруки – это «новый фактор, сильно влияющий на увеличение недоимочности».

Однако инспектор ведёт речь не о неверных раскладках, а о трудности взыскания с ушедших на заработки: многие из них не берут паспортов, и неизвестно, куда ушли². Это действительно связано с отменой круговой поруки, но едва ли объясняется отсутствием в Сибири Положения 23 июня 1899 года, на которое так упирает в своём отношении казённая палата (оно ведь не запрещало раскладывать налоги на промысловиков).

Не менее интересен тот факт, что казённая палата стала требовать усиления взысканий ещё до закона об отмене круговой поруки в Сибири: первое отношение губернатору в таком духе было направлено 28 сентября 1906 г.³ Это отношение упомянуто палатой в общем русле давления на недоимщиков в 1906–1907 годах; между тем, ясно, что оно не может быть связано с последствиями реформы 5 октября 1906 г.

Ещё одно обстоятельство, подрывающее попытку казённой палаты свести дело к положению 23 июня 1899 г. – это примеры воздействия податной инспекции на раскладки. Выше приводилась цитата из циркуляра начальника казённой палаты от 10 марта 1907 г. с предложением к инспекторам проверять не только соответствие раскладки заявленным показателям, но и

¹ ГАТО. Ф.Ф-196. Оп. 4. Д. 183. Л. 165.

² ГАТО. Ф.Ф-196. Оп. 4. Д. 183. Л. 165 об.

³ Там же. Л. 179.

целесообразность заявленных признаков. И это действительно делалось, как видно из отчётов податных инспекторов. Именно за 1906–1908 гг. в томском архиве сохранилась богатая подборка из тысяч копий раскладочных приговоров. Достоверно известно и то, что в некоторых случаях от крестьян действительно добивались пересмотра неравномерного раскладочного приговора. Бийскому инспектору это удалось при посредстве уездного съезда крестьянских начальников¹. Таким образом, орудие для борьбы с неравномерными раскладками у сибирских податных инспекторов имелось даже после отмены круговой поруки.

Получается, что когда от общих рассуждений на тему «слабого развития гражданственности» дело переходит к непосредственным примерам из жизни, проблемы взыскания оказываются связаны не столько с отсутствием в Сибири Положения 23 июня 1899 г., сколько с отменой круговой поруки вообще и – ещё шире – с общими трудностями взыскания, существовавшими даже при круговой поруке.

В итоге становится ясно, что отмена круговой поруки в Томской губернии была связана с ощутимой встряской, которая, однако, не обуславливалась ни существом законодательных новшеств, ни поведением крестьян. Местные чиновники Минфина, уделяя чрезмерное внимание законодательству, переоценили грядущие перемены в налоговом поведении крестьян. Принятые по их настоянию чрезвычайные меры, к тому же усиленные простотой полицейского восприятия губернаторских приказов, должны были улучшить раскладочные приговоры, а на деле привели к сокращению дореформенных недоимок. Средства не то чтобы оказались безрезультатными, но ударили мимо цели. Использовать их ежегодно было нельзя, вопрос о регулярных мерах борьбы за равномерность крестьянских раскладок оставался насущным. Крестьянское общество оказалось более инерционным, чем рассчитывали томские налоговики. Это давало отсрочку, но не позволяло вообще отказываться от решения проблемы расчёта налогов с учётом усиления единоличного начала в деревне в частности и в российской жизни вообще.

¹ Там же. Л. 163 – 163 об.